

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ОПУЩЕННАЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Опушенная / Владимир Колычев. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Колычев. Лю-
бовь зла и коварна).

ISBN 978-5-04-089550-2

Первое же увлечение вскружило беспечной Насте голову. Молодой, статный, перспективный однокурсник юрфака — вполне подходящая пара для нее, дочери известного в городе судьи. И стали бы они жить-поживать, да только неожиданно встретился влюбчивой девушке Евгений, взрослый обеспеченный мужчина, знающий толк в жизни и в удовольствии. Но вместо ожидаемого счастья случилась беда. Стараниями своего избранника пристрастилась Настя к наркотикам, бросила институт, покатила по наклонной. И невдомек вчерашней домашней девочке, что под маской пылкой любви скрывается изощренная и жестокая месть за поспешное судебное решение, вынесенное когда-то ее отцом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089550-2 © Колычев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Глава 1

Солнце уже проснулось, приподнялось на локте над горизонтом, окинуло ясным взглядом свои владения, но еще не слезло с перины из белых пушистых облаков. А может, оно и не будет слезать, а просто сожжет свою постель по пути к знойному полудню.

День обещал быть жарким, но по-другому и не хотелось бы. Не для того Настя вставала в пять утра, чтобы провести выходные под пасмурным небом или даже под дождем. Ее зовут Настя, и ненастье — не для нее.

Машина уже в пути, дорога медленно идет на подъем, влево-вправо поля: пшеница, подсолнухи, а впереди синеют горы. Там, за перевалом их ждет море — мокрое и сухое. А как еще назвать соленую воду, которой не напиться?

За рулем — отец, мама рядом, за штурмана. Волосы у отца густые, но уже подернутые сединой. Лицо у него породистое, а роговые очки, так же как и борода, подчеркивают его интеллигентный склад. Сытые щеки, легкая полнота в теле придают солидность его облику. Он у На-

сти — судья, вершитель судеб для тех, кто преступил закон. Мама у нее попроще — и по статусу, и по внешности. Круглолицая, розовощекая, в теле. И всегда веселая. Даже когда она грустит, все равно где-то в глубине глаз светится озорной огонек.

Отец сначала ударил по тормозам, только затем выругался:

— Черт!

Сила инерции потянула Настю вперед, она плечом ударилась в переднее кресло. А мама едва не выбила головой лобовое окно.

Машина остановилась, отец выскочил на дорогу, Настя — за ним. Она увидела белобрысого парня в запущенном состоянии. Волосы грязные, сальные, под глазами темные круги, щеки впалые, небритые. Убогий ватник на нем — рваный, замызганный, брюк нет, только сатиновые трусы, на ногах кирзовые сапоги. Это из-за него отец так резко затормозил.

— Давай отсюда, пока я милицию не вызвал! — Отец хотел крикнуть на него, но не смог, не хватило для этого злости.

Земля не остыла за ночь, и сверху начинало припекать. Вроде бы совсем не холодно, но парня трусило, как в лихорадке. И столько страдания в его взгляде, что Настю передернуло изнутри. Это существо вызывало и презрение, и жалость одновременно. Но вместе с тем ей стало страшно от мысли, что от такой судьбы не застрахован никто. В том числе и она...

Она все понимала. Лето, поля, где-то растут конопля, мак, эта жуткая радость для наркомана. И этот подался за своим счастьем.

Настя полезла в машину, достала из сумки несколько еще теплых пирожков, завернула их в салфетку. Парню сейчас нужна была доза, но наверняка его

терзал и обычный голод. Настя собиралась отдать пирожки ему в руки, но, глянув на него, положила передачу на землю. Взгляд у него страдальческий, жалостливый, но там же чувствовалась и злость на весь мир. Как бы не взбесился, не набросился.

Парень кивнул в знак благодарности, но к пирожкам не поспешил. И Настю проводил тоскливым взглядом. Ему бы тоже в машину, а дальше — на море, на пляж, к нормальной человеческой жизни.

Настя села в машину. Только за ней закрылась дверь, как отец опустил сцепление, и «Волга» тронулась с места.

— Нет, все-таки надо в милицию позвонить, — в раздумье проговорил отец. — Пусть в ЛТП отправляют.

Настя развернулась, посмотрела в заднее окно. Наркоман стоял на обочине дороги и смотрел в ее сторону. И взгляд у него не просто жалостливый, но и прощальный. Возможно, его уже невозможно спасти. Может быть, сегодня он умрет. И ему об этом известно.

— В ЛТП — только по решению суда, — улыбнулась мама.

— А я кто, по-твоему?

— Сегодня ты курортник. Сегодня ты будешь купаться в море, есть шашлык и пить вино.

— Но кто-то же должен заботиться о сырых и убогих, — грустно вздохнула Настя.

— А не надо быть убогим, — сказала мама. — Он же сам во всем виноват... Сначала курил — веселился, потом опий, еще веселей.

— Может, он и не знал, что так будет.

— Главное, чтобы ты, дочка, знала. Это ж такая зараза!..

— Ну я-то знаю...

Наркомания — бич, и это ей внушали со школьной скамьи. Из милиции приходили с лекциями, из горздрава. Кольке Шутову тоже внушали, Лешке Грищенко, только им это не помогло. Один уже срок мотает за наркоту, другой целыми днями в парке сидит, анашу смолит. А может, и на что-то более тяжелое перешел... Столько их таких. И всем не поможешь, всех своей заботой не осчастливишь.

С наркотой нужно бороться. И, возможно, когда-нибудь Настя подключится к этому святому делу. Через два года она окончит университет, получит юридическое образование и станет следователем прокуратуры. Но еще рано думать о работе, сначала нужно летнюю сессию сдать. Это у родителей выходной, а она будет загорать на пляже с пользой для дела. Не зря же она прихватила с собой конспект по гражданскому праву.

* * *

Человек имеет право на счастье, с этим не поспоришь. А имеет ли он право на второе счастье, на то, которое называют наглостью? Хлопая от удивления глазами, Настя точно знала ответ на этот вопрос. И надо бы поделиться своими соображениями с эффектной загорелой блондинкой, которая прошмыгнула в пляжную раздевалку под самым ее носом. Настя отстояла очередь, чтобы переодеться, за это время купальник на ней высох. И тут вдруг появляется очень умная. И красивая. А Настя остается в дураках.

— Извини, мы очень спешим, — послышался знакомый голос.

Настя повернула голову и увидела Севу с ее курса. Жесткие волнистые волосы выгорели на солнце, осветлились, а лицо, напротив, потемнело. И глаза

приняли цвет морской волны. А белые зубы блестят на солнце, как жемчужные бусы на шее у смуглой красавицы. Крепкая шея, широкие плечи, хорошо прокачанные грудные мышцы... Как-то раньше Настя не обращала на него внимания, а сейчас в голове сверкнула фотовспышка. Это был свет, в котором невозможно смотреть на человека, чтобы не влюбиться.

— И ты тоже? — Настя кивком показала на железную кабинку.

— Да нет, я уже высох, — качнул головой он.

— Я тоже.

Волшебная фотовспышка могла высветить и волшебную дудочку в глазах мужчины. Тот же Сева мог поманить ее за собой, и она бы пошла за ним — хоть на край света, хоть в постель. Но Сева не манил, он ждал свою блондинку. Да и не пошла бы Настя за ним. Она бросила сумку себе под ноги, взяла сарафан и надела его поверх сухого купальника. До лагеря недалеко, там она, в своей комнате, и переоденется. А с блондинкой она как-нибудь в другой раз поговорит. Если не отпадет желание проучить ее.

Она пошла к лагерю, но Сева догнал ее.

— Обиделась? — спросил он, сравнивая с ней шаг.

— Ничуть.

— Олеся, она такая.

— Сочувствую.

— Да мне то что...

— Ты же с ней куда-то спешишь.

— Ну, может быть, на обед, — улыбнулся он.

— Приятного аппетита!

— А ты же Настя, да?

— Неужели не узнал?

Она уже вторую неделю в студенческом лагере, а Севу только сегодня увидела. Или не замечала, или он

только на днях появился. Сессия уже позади, каникулы в самом разгаре, а настоящая жизнь могла бы начаться сегодня. Если бы Сева не был занят...

— Честно?.. Если честно, то нет... В универе ты одна, а здесь другая...

— Загорелая?

— Ну, и загорелая... А ты с кем здесь?

— С Ленкой Павловой в номере, а что?

— Да нет, ничего. — Сева улыбнулся себе под нос.

Неужели ему не все равно, есть у нее парень или нет?

Они вышли на набережную с ее полуденным бродяжеским движением — кто на пляж, кто обратно. Кто-то еще полон сил, а кто-то уже сварился на солнце. Панамки, кепки, сомбреро, круги, матрасы... И мороженое.

— Мороженое будешь? — спросил Сева.

Настя вздохнула с усмешкой. Вокруг ларька очередь — человек пятьдесят, и почти все стоят под открытым солнцем.

— Жаль, Олеси нет, — глянув на нее, усмехнулся Сева.

— Вот и я говорю, человека забыл.

— А вот и она!

Олеся обогнала их, остановилась, преграждая им путь. Красивое лицо: правильные черты, роскошные брови, изящный носик, сочные губки. И фигурка — хоть на «Мисс СССР» отправляй. Настя считала себя симпатичной, но не более того. Глядя на Олеся, она понимала, насколько далека от идеала женской красоты.

— Сева, это что еще за новости? — возмущенно простонала Олеся.

— Ну, должен же я был извиниться за тебя.

— А кто меня торопил? — косо глянув на Настю, спросила она.

— Я пойду.

Настя не хотела быть камнем преткновения в этой перепалке, поэтому продолжила путь, оставив Севу на растерзание взбалмошной блондинке.

— Давай, давай! — Олеся небрежно махнула рукой в ее сторону.

Настя замедлила шаг, остановилась, повернулась к ней. Несомненно, Сева произвел на нее сильное впечатление, но бороться за него она не собиралась: не женское это дело. Но и оскорбления сносить она не станет.

— Слушай, ты!

— Так, девочки! Не будем ссориться! В конце концов, мы дети одной альма-матери!

Он обнял Олесю одной рукой и потянулся к Насте другой. Она должна была оттолкнуть его или даже послать по этой самой альма-матери, но рука оказалась такой горячей, что ей вдруг захотелось растаять под ней. Она позволила обнять себя, но вырвалась Олеся. И глянув на Севу, обнимающего Настю, вскипела:

— Ну, Лебедев! Ты еще пожалеешь! — Окинув Настю презрительным взглядом, она рванула прочь от них.

Шла она на высокой скорости, но вихляющая походка при этом казалась такой естественной и непринужденной. Настя и близко не умела крутить такие «восьмерки», но, глядя на Олесю, ей захотелось научиться.

— Догоняй, — тихо сказала она.

— Зачем? — Сева продолжал обнимать ее.

— А если уйдет?

— Уже ушла.

— А как же обед? — усмехнулась Настя.

Она должна была отстраниться, но так приятно было чувствовать на себе крепкую мужскую руку.

— Будем обедать вместе. — Он еще крепче прижал ее к себе.

— А я согласна?

Он повернул к ней голову, лишь слегка ослабив хватку.

— А ты согласна? — Он смотрел на Настю так, как будто собирался ее поцеловать.

И она опьянела под его взглядом.

— Ну, если только со мной...

— Только с тобой... Идем?

Настя кивнула. Волшебная дудочка звала ее к Севе, и она не могла не идти.

А шли они в столовую, но почему-то она оказалась у него в комнате. Он закрыл дверь, посадил ее на кровать, и Насте показалось, будто она оказалась на воде в открытом море. От сильного душевного волнения у нее отказали ноги, она тонула, но некому было бросить спасательный круг. А Сева уверенной рукой тянул ее на дно.

Его руки казались теплыми волнами, они не срывали, а смывали одежду. Настя вдруг оказалась в одном купальнике, и чуть погодя исчез и лифчик.

— Не надо.

Настя забарахталась, пытаясь удержаться на плаву, но Сева обжал губами сосок, скользнул по нему языком, и она всплеснулась, кругами расплылась по воде. И сама стала морем, которое требовало шторма.

— Ну пожалуйста...

Она еще зывала о спасении, но уже не хотела, чтобы Сева останавливался. В конце концов, ей через месяц будет двадцать лет, она уже совсем взрослая. И жить пора по-взрослому.

На ней уже ничего не осталось, когда в дверь забарабанили. Внутри все сжалось от страха, но Сева не позволил ей подняться. И она ощутила восторг, какой испытывала в детстве. Было такое, она сидела в шкафу, родители ходили по комнате, искали, но не могли ее найти. Но тогда это был детский восторг, в нем не было ничего крамольного, запретного. А сейчас ее могли застукать голую в объятиях такого же обнаженного парня; это как минимум стыд и позор, но почему страх за свое непорочное имя возбуждает порочные желания?

— Жора, погуляй! — крикнул Сева.

От его голоса зазвенело в ушах, но и это вызвало у Насти прилив бурлящих эмоций. Прилив куда-то в низ живота, где в ожидании ласки переворачивалась с боку на бок теплая пушистая кошечка.

— На старт! — тихо, но напористо прошептал Сева. — Внимание!..

Стартовая дорожка уже была готова к маршу, Сева неторопливо втиснулся в нее, медленно заскользил, ускоряя движения. Настя пожалала плечами, прислушиваясь к чувствам. Говорили, что в первый раз больно, но нет, вполне терпимо. И даже приятно. А восторг вызывал сам процесс, рвущий на части все правила, которыми пичкали ее родители. Какая свадьба, какая первая брачная ночь, когда Сева как ураган, сметающий все на своем пути?

* * *

Лето закончилось, наступила весна. А какая может быть осень, когда Сева рядом?

Почти две недели они провели вместе в студенческом лагере. Две недели, которые стали для Насти лучшими в жизни. Потом он уехал к родителям, а с

первого сентября они снова вместе. Идут себе по парковой аллее, он обнимает ее за талию, целует в шею.

И вдруг навстречу — Олеся. Распущенные волосы, кричащий макияж, вызывающая кофточка с трясущимся декольте, короткая юбка, туфли на шпильке, маленькая сумочка на длинном ремешке. И походка — ни дать ни взять, манекенщица на подиуме. Настя почувствовала, как напрягся телом Сева. А Олеся шла, как будто не замечая его. И слышно было, как стучат каблочки — возможно, в такт ее мыслям. Она прошла мимо, скользнув по Насте презрительным взглядом. А Сева не удержался, обернулся ей вслед.

— Фу-ты ну-ты!.. — Он хотел сказать что-то еще, но затих.

В такой ситуации словами делу не поможешь.

— Догоняй, — вздохнула Настя.

— Шутишь? — Сева внимательно глянул на нее.

— Конечно, шучу... — Она остановилась, повернулась к нему лицом и обняла, не позволяя смотреть вслед Олеся.

Олеся не бегала за Севой, не мстила ему, вешаясь на шею другим парням. Она просто исчезла из вида. Уехала из лагеря, только сегодня и объявилась.

— Я тебя никому не отдам! — Глядя в глаза Севе, сказала она.

— Да я и сам не отдамся, — улыбнулся он.

— Даже если она сама будет приставать?

— Не будет.

— А вдруг?

— Да ну ее!..

— А меня?

— Я же говорил, ты самая лучшая...

Он снова обнял ее, они продолжили путь, вышли к остановке. Ехать недалеко, минут десять.

— Проводишь меня? — спросила Настя.

— Ну конечно...

— Мама сейчас дома... — вздохнула она.

Мама у нее числилась внештатным корреспондентом районной газеты, но не работала, сидела дома. И вот как им с Севой уединиться? Мама ее убьет, если узнает, что у нее была с кем-то близость.

— Ты же говорила, что у вас дача есть.

— Это далеко... Давай завтра! — улыбнулась она.

Действительно, завтра она возьмет ключи от дачи, а после занятий они с Севой отправятся в Борисовку. От института это час туда — не так уж и много.

Они сели в троллейбус, Сева проводил ее к дому, но во двор она с ним заходить не стала. Вдруг мама из окна увидит, она же без соли ее съест. Да Сева и не рвался знакомиться с ней. Поцеловал Настю на прощание, весело улыбнулся и был таков. Она с подозрением смотрела ему вслед. Уж не торопился ли он вернуться в свою общагу, чтобы найти там Олесю? Так это или нет, но вечером встретиться с Настей он не предложил. А они могли бы сходить в кино.

Напротив ее подъезда стояла новенькая, сверкающая лаком вишневая «девятка». Хотела бы Настя такую ласточку, но разве отца уговоришь? Даже если он и найдет деньги, то все равно не купит. Так не бывает, чтобы у народного судьи на одну семью было две машины... А деньги у него есть. Кто сейчас не без греха?

Настя свернула к подъезду, а навстречу ей стремительным шагом вышел хорошо одетый мужчина лет тридцати. Среднего роста, худощавый, судя по движениям, юркий, непоседливый. Не красавец, но приятной, располагающей внешности. Взгляд живой, шипящая пена в нем и брызги шампанского. Так подумала Настя, когда их взгляды пересеклись. Увидев